

Катерина Фадеева

ДВА РАССКАЗА

ЗМЕЙ

В первый раз я увидела этих двоих в понедельник. Выходила, как обычно, на прогулку в 8.30 и чуть не налетела на них, открывая входную дверь. Девушка — светлые волосы, розовое платье и такого же цвета лопата с длинной ручкой. И крупный мужчина с пластмассовым ведерком. Я пошарила глазами в поисках ребенка. Ребенка не было. И лопата, и ведро, похоже, предназначались для них самих.

На следующий день я вышла из дома чуть позже и встретила их уже на пляже. Строительство было в разгаре: усердно размахивая розовой лопатой, Кен рыл канал, а Барби полировала изгибы песчаного замка.

В среду я пропустила прогулку из-за того, что шел ливень. Он не прекращался почти весь день, так что к вечеру городская канализация уже не справлялась с лужами, и дети радостно пускали по улицам бумажные кораблики, бегая за ними по щиколотку в воде.

Зато в четверг я вышла раньше обычного. Небо было ультрамариново-синим, а море гладким, словно впереди была не долгая ветреная зима, а весна с цветением миндаля и поеданием мясистой черешни из бумажного пакетика.

Я заметила замок издалека. Дождь частично разрушил песчаные стены, но он все равно был хорош. С флюгельком на башне. С балконами. Приблизившись, я заметила внутри одного из песчаных балконов потухшую свечку с не прогоревшим еще фитильком. Я достала зажигалку, впервые за долгое время радуясь тому, что никак не могу бросить курить, и зажгла ее. Она оказалась ароматической: и в вольном морском воздухе уютно запахло маминым яблочным пирогом с корицей. Она готовила его каждую субботу. Как-то раз, когда мне было лет пять, я попросилась помочь. Мама дала мне порезать яблоко, но я, задумавшись о чем-то, сильно порезала палец. Кровь расплылась по яблочной кожуре, мама крутилась вокруг меня, что-

то кричала. А я смотрела на красную струйку, гармонирующую с импрессионистской окраской «коричной» — от этого сорта в тот год ломились ветки яблонь во всех окрестных садах, — и почему-то совсем не чувствовала боли.

Я подошла к сигарете, затянулась и по привычке закинула голову, чтобы посмотреть, как растекается дым. И тут увидела яркое красно-синее пятно, колышущееся в воздухе. Это был воздушный змей. Он болтался так высоко, что казался совсем маленьким, а ниточка, за которую он был привязан, скорее напоминала паутинку. Такие вольные паутинки, на которых путешествуют по осени паучки в тех северных краях, где море знают только по фильмам.

Эта тоненькая ниточка тянулась к замку, к одной из башенок. Казалось, что ее привязали прямо к ней: первый порыв ветра — и дворец полетит вслед за воздушным змеем, как небесный замок из мультика Миядзаки.

Слегка ковырнув верх башни, я нашла объяснение: ручку ведерка, вкопанную вместе с самим ведром в основание. Парус замка был привязан за нее.

Я смотрела на эту странную конструкцию и словно читала послание, адресованное лично мне. «Перестань строить воздушные замки», — это была любимая мамина фраза. Кажется, что-то такое она сказала, когда после третьего курса я решила бросить учебу и сменить профессию. И когда после четвертого объявила о своем желании уехать за границу. И когда, уехав, рассказывала ей о своих бесконечных идеях: спортивной школе на иностранном языке, мобильной кофейне и мастерской по производству часов из виниловых пластинок. На идеи мама реагировала вяло: спорт ее интересовал только в виде фигурного катания, кофе она не пила из-за давления, а портить виниловые пластинки не давала никому, хотя проигрывателя в доме давно уже не было.

Пару лет назад в стране и в моей жизни наступил кризис. Регион, в котором я жила, гордо отъединился от страны, а мой бойфренд, благодаря которому я в студенческие годы осела здесь, — от меня. Первый руководствовался многолетними амбициями и гордыней, второй — привлекательными формами одной коллеги. Обиженное на свое гордое дитя, государство перестало поддерживать малый бизнес. А мой малый бизнес потерял еще и личного спонсора. Мне ничего не оставалось, как бросить свои виниловые часы и кофе с мо-

тором, выучиться на парикмахера и устроиться работать сутки через двое в салон красоты по соседству. Работа была скучной и малооплачиваемой. Зато пока я стригла арабов и афроамериканок, мама хвасталась приятельницам, что ее дочь наконец-то взялась за ум и перестала строить нереальные прожекты.

Я сфотографировала замок на телефон и пошла домой. Почувствовала раздражение, которое поднялось из-за мыслей о маме и бывшем бойфренде, и гулять дальше не хотелось.

* * *

...А через несколько дней на город обрушился ураган, который в прессе назвали самым сильным за последние 10 лет. Он навалил деревьев, снес крышу в салоне красоты, где я работала, обанкротив и без того дышавшее на ладан дело моего начальника. День и ночь по городу с ревом носились желтые машины скорой помощи, на набережной развязалась торговля предметами первой необходимости. Я сидела в комнате и в оцепенении смотрела сквозь стекло на происходящее, когда на балкон влетел змей. Это был точно он, тот самый змей, который Барби и Кен привязали к песчаной башне. Красно-синее крыло было порвано, лески спутались, но он все равно чудом сохранился и трепыхался у меня на балконе, зацепившись за перила и словно прося его приютить. Я взяла ножницы, перерезала леску и затащила незваного гостя в дом. Он шлепнулся мокрым крылом об пол. «Как раненый баклан», — пронеслось в голове.

Я взяла в руки телефон, представляя, как обрадую маму. Решение вернуться домой было абсолютно твердым. Я представляла, как попрошу приготовить мой любимый яблочный пирог, а она побежит к своей соседке Зое рассказывать, что ее блудная дочь наконец-то вернется домой после десятилетнего отсутствия. Зоя, у которой слезы всегда близко, расплачется у нее на груди, а потом попросит 20 капель валерьянки и стакан сладкого чаю с лимоном. Впервые я звонила маме и не чувствовала раздражения. Я вдруг поняла, что ужасно соскучилась.

Я набрала номер. Гудки были непривычно длинными: мама обычно очень быстро подходила к телефону. Чувствуя неприятный

холодок в области сердца, я вдруг подумала, что со дня урагана, когда я сообщила ей, что жива и здорова, прошла уже неделя. А мама больше трех дней редко выдерживает: всегда звонит сама.

Я сбросила вызов и набрала еще раз. Сердце бешено колотилось. На этот раз мне ответили сразу. Но голос был мужской, незнакомый.

— Марию Семеновну? А кто ее спрашивает?

— Я Лика, я ее дочка. Что с ней? С кем я говорю?

Из-за того, что холод поднялся от области сердца к горлу, мой голос звучал очень жалко.

— Лика, ваша мама сейчас подойдет. У нее руки в муке. Она готовит пирог.

— Но с кем я разговариваю?

— Я Петр.

— Какой еще Петр?

— Петр, ее муж... Разве она ничего не рассказывала?

ШАМАН

Это был первый той весной теплый день в Питере, и наш последний день в городе. Разогретые, словно мачты петровских галер, под солнцем парка Новая Голландия, мы не заметили, как пришло, а потом и прошло время уезжать. Румяный таксист, узнав, что до вылета у нас остается меньше трех часов, заметно напрягся. Но быстро стер следы тревоги профессиональной улыбкой. А начавшее было вибрировать волнение погасил, поставив что-то из классики рок-н-ролла.

— Нагулялись?

— Ага.

— Откуда сами?

— Из Москвы...

— Я заметил, у москвичей это популярная забава: на выходные в Питер. Недавно вез пару, они в алкотур приезжали. Паббоулинг или как-то так...

— Пабкроулинг, может? Да, модная тема... Мы, правда, не пьем... Мы на концерт ездили...

— На Гергиева, наверное. — Взгляд таксиста оттолкнулся от моего купленного в Париже берета, запрыгнул на лежащий на коленях

мужа пакет со стопкой винила и, как солнечный зайчик, отрекошетил от салонного зеркала прямо мне в лоб.

Из центра лба в район висков потянулась легкая головная боль.

— Не, на «Пикник».

— «Пикник»? — облегчение. — Это которые «Египтянин»? Да, это ж сколько лет я их не слышал...

— А раньше слушали?

— Раньше да, но как в такси пришел, с русским роком пришлось завязать. Чтобы клиентов не провоцировать. И себя тоже. Нашему человеку русский рок противопоказан. Будит все худшее: ты в депрессии, а тут тебе говорят: да, все плохо, иди-ка ты немедленно выпей.

«Oh, what a lonely soul am I», — наигранно печально пел Дилан, машина дергалась в пробке в такт гитарным аккордам.

Солнце нагревало правый висок, это действовало на нервы и вызывало ощущение дежавю.

* * *

В тот день, 10 или уже 11 лет назад, я тоже опаздывала: у меня только что родился сын, и я мучительно долго инструктировала «новорожденного» папу перед первым дежурством с младенцем. Процесс настолько затянулся, что первый водитель не дождался меня и уехал. Пришлось вызывать такси во второй раз, машина приехала быстро, но шофер был какой-то чудной: белый, как первый снежок, вдобавок у него была сломана рука, и запрятаный в гипс локоть странно торчал из-за спины, будто сломанное крыло.

«Набирают, кого попало. Интересно, как он собирается скорости переключать... Но может, хоть болтать без умолку не будет», — подумала я, борясь с тяжелой головной болью, которая после беременности была мне самым верным другом. Мне хотелось помолчать и собраться с мыслями. Впереди было важное интервью.

Но моим надеждам на тишину не суждено было оправдаться.

— Вы не возражаете, если я поставлю музыку?

— Нет.

Раздражение впилося в спину между лопатками кучей маленьких иголочек. Как тогда, когда мне было пять. Отец случайно оставил на

спинке дивана аппликатор Кузнецова — тряпочку с пришитыми к ней колючками «от хондроза». Я села смотреть любимого «Котенка с улицы Лизюкова» и прислонилась голой спиной прямо к ним. Даже заплакать не смогла от неожиданности.

Таксист достал из бардачка замызганную флешку без крышечки и вставил ее в проигрыватель.

«У шамана три руки, ээй!», — вольно затянул Эдмунд Шклярский, перенося меня из мыслей о первом детском разочаровании в мир юношеских квартирников, рок-концертов и БУРвестника — студенческого лагеря МГУ, где я впервые услышала эту песню на заезженной кассете у одного химика-аспиранта. Он читал наизусть «Маленького принца», таскал в походах мой рюкзак, сочинял песни и мечтал эмигрировать в Голландию. И правда, эмигрировал. Только не со мной, а с одной своей однокурсницей. Рыжей девушкой, которая носила с собой круглую металлическую таблетницу и все время пила из нее бело-зеленые таблетки. Ей было тяжелее, чем мне, но я ей в тайне завидовала.

— Спасибо за музыку, это моя любимая группа...

— Я их люблю за тексты. Я и БГ уважаю, но он уж больно умный. Хотя вот это у него: «Я вырос в дыму подкурки. Мне стулом была игла», — сильно. Не кололся, а стулом была игла. Метафора!

— А давно вы роком интересуетесь?

— Лет двадцать наверно. У меня случай был. 90-е, есть нечего, мы с другом грешили — угоняли машины. Одну украли, там была магнитола с кассетой «Легенды русского рока». Нас потом поймали, мы откупились, но кассета осталась. Ну, и любовь к року тоже.

— А машины все воруете? — усмехнулась я, пытаюсь уравновесить в себе мелкую дрожь от человеческого страха и крупную — от журналистского восторга перед классной историей.

— Не. Я решил, что это знак, и завязал с воровством, стал каменщиком. Денег поменьше... Подрабатываю в такси.

Машина неслась по засыпающей пасмурной Москве, Шклярский пел что-то про стальную иглу и грусть. И про то, как не рекомендуется забывать тех, кого оставил.

Я вспомнила, как однажды, разбирая файлы на компьютере, наткнулась на запись под названием «Мето». Думая, что это скачанный недавно для занятий спортом «беговой» трек — у меня на диске был хип-хоп-исполнитель с таким именем, — я бросила ее в плеер

и двинулась на тренировку. Наушники были глухие и плохо держались в ушах, запись долго не начиналась, и из-за этого я все никак не могла войти в то медитативное, граничащее с нирваной состояние, ради которого я и наматывала ежедневно свои километры дорог. А когда мелодия, наконец, началась, я чуть не налетела на велосипедиста. Это был голос того химика, его песня, его манера играть, все время как бы случайно задевая соседние струны.

Откуда взялся этот трек? Видимо, я, боясь разбудить эмоции, убрала его на задворки оперативной памяти компьютера, а заодно — и своей тоже.

Я перешла на шаг, вслушиваясь в каждое слово и ожидая, что в конце будет какое-то важное послание для меня. Но там ничего не было, только глуховатый стук отложенной в сторону гитары.

«Не забудь меня, не забудь», — настаивал Шклярский.

На долгом светофоре спина водителя вдруг выпрямилась, и сморщенная рубашка расправилась, как нахмуренные брови.

— Три года назад я жил в окружении четырех детей и собаки под Воронежем. У нас такой ельник рос рядом. Жена заготавливала щепу, мы топили печку, пахло здорово.... А потом все рассыпалось.

Не готовая к такой степени откровенности, я даже не сразу поняла, что рассыпалось — семья или щепки...

— Совсем?

— Думаю да... Но все равно им не нравился Пикник.

* * *

California dreaming вытолкнула меня из дождливой Москвы одиннадцатилетней давности в не по-ленинградски яркий Питер. Он стоял в безнадежной пробке. Солнце напоминало больничную лампу, которая слепит до слез, когда просыпаешься в палате после наркоза.

Машину трясло, меня укачивало, и я вспоминала, как маленькой боролась с тошнотой в автомобиле. Она подступала всегда с туманом перед глазами, и, чтобы как-то приручить этот туман, я речитативом повторяла: «Я ежик в машине». Но тогда, в солнечном Питере, в мои 35, детский лайфхак почему-то не сработал. В памяти всплыла только ухающая норштейновская сова, которую я в детстве очень боялась. Вдобавок еще больше разболелась голова.

В аэропорт в тот день мы приехали с большим опозданием. Но не сильно переживали, так как еще с утра успели зарегистрироваться.

— Куда вылетаете?

Юная практикантка в красном шейном платке строго поджала губы, как учительница.

— В Москву.

— В Москву?? Но у вас уже идет посадка. Вы не успеете.

— Успеем. У нас еще полчаса и багажа нет.

Стажерка нас не слушала.

Позади шла какая-то возня и перепалка между пассажиром с двумя коробками патронов и персоналом. Пассажир громко возмущался, провожавший его друг смущенно улыбался, бормоча что-то про утиную охоту и плату за перевес.

Девушка, открыв рот, следила за происходящим, в результате забыла дать нам один посадочный, потом не сообщила в зону вылета о двух опаздывающих пассажирах. В итоге, когда, провозившись с досмотром, мы мокрые прибежали к трапу, все было уже закрыто. Залив обиду горьким кофе, мы наскребли на новый билет и вылетели через два часа.

Но домой в тот раз нам не суждено было попасть раньше утра.

Сначала — по иронии судьбы — мы ждали опоздавшего пассажира. Того самого, с патронами. Спустя полчаса после предполагаемого взлета он зашел в салон и с вызовом хорошо вооруженного человека перед беззащитной толпой заявил: «Извините, это из-за меня задержали самолет».

Потом — уже в Домодедово — мы зависли на выставке старинных автомобилей. Кто-то в толпе сказал, что тут есть «Волга», которая снималась в «Берегись автомобиля», и мы долго и безрезультатно ее искали.

А под конец уже на парковке, оказалось, что нам просто не на чем уезжать.

В нашей машине, которая сильно видоизменилась после того, как спустя месяц ее нашли брошенной на трассе М4, не осталось почти ничего, кроме моего оплавленного, любимого еще со студенческих лет рюкзака. Говорили, что угонщик превысил скорость и со всей дури врезался в каменный придорожный столб. Следов человека, между тем, на месте происшествия не обнаружили. Обугленные кресла пахли еловыми щепками.

